

Близится 200-летие Александра Сергеевича Пушкина. Согласно предвзятой программе реставрации и благоустройства, в Государственном музее-заповеднике "Михайловское" предостан "интенсивный ремонт" парков. В парке Тригорского он уже ведется, да такими варварскими методами, что общественность ни на шутику встревожена. Об этом сегодня размышляют заведующая научно-просветительным отделом Пушкинского заповедника на Псковщине Валентина Иванова и хранитель дома-музея "Петровское" Борис Козмин.

Пушкин — лишний?

Валентина ИВАНОВА

Отрочество Пушкина проходило в царско-сельских садах. Приехав в Михайловское и Тригорское, он полюбил и воспеал "огромный, запущенный сад, приют задумчивых дриад", "сурик лиловых аллей", "дкий садик мой". Именно в старых пушкинских парках рождались памятные всем образы.

Радикальное вторжение в это культурно-духовное пространство или создание на его месте какого-то иного образа может привести к весьма печальным последствиям. Оно грозит изменением ноосферы пушкинского уголка.

Наследие

ПЕНАТЫ

Синдром бульдозера

Борис КОЗМИН

Двадцать лет назад в газете "Ленинградская правда" была опубликована статья члена Общества охраны памятников истории и культуры П.Новосельского "Код реконструкция не радует". Речь шла о драматической судьбе северной вотчины прадеда Пушкина — А.П.Ганнибала в Суиде, о пущенном под бульдозер погосте, на котором покоился прах арана Петра Великого.

В самом парке, который теперь с полным основанием можно назвать бышим, дорожки превращены в непролазное месиво из грязи и ломаных корней. Допивают в штабелях полуразрушенные чурки, оставшиеся со времен сильнейшего урагана 1997 года; пниот на корню исполненные дубы, клены и прочие отжившие свой век парковые деревья.

Ему дарован статус особо ценного памятника культуры, а для его сегодняшних реалий все более характерным становится "синдром бульдозера", уничтожившего могилу прадеда поэта в Суиде. "Сгорелый, запущенный сад" Тригорского прекратил свое поэтическое существование.

В самом парке, который теперь с полным основанием можно назвать бышим, дорожки превращены в непролазное месиво из грязи и ломаных корней. Допивают в штабелях полуразрушенные чурки, оставшиеся со времен сильнейшего урагана 1997 года; пниот на корню исполненные дубы, клены и прочие отжившие свой век парковые деревья.



Михайловское. Литорация П.А.Александрова, XIX в.

ДАТА

И вот нашли большое поле

26 августа (7 сентября) — годовщина Бородинской битвы.



Рисунок автора.

Павел БУНИН

Василий Ключевский не раз говаривал, что история страны — в ее географии. Если мы присмотримся к европейской политической карте 1810—1812 годов, обнаружим неприятно-знакомую по XX веку картину: Европа (исключая Англию) под сапогом диктатора, и демаркация между ним и Россией проходит по Польше.

К 1812 году он уже создан (из двенадцати корпусов вторжения французы полностью укомплектованы только 1-й корпус Даву и гвардию). Можно понять, с какими чувствами принудительно шли в поход австрийцы и пруссаки — вчерашние и завтрашние враги Франции, какой боевой дух был у вестфальцев и неаполитанцев, испанцев и генсесцев. Но так или иначе пятисоттысячная громада перешла границу России. Она несла огромную опасность, но "это были уже не солдаты Аустерлица", как писался сам же Наполеон.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Александр НАРЫШКИН

Все самое благородное среди русской молодежи — молодые воины, как Пестель, Фонвизин, Нарышкин, Юшковский, Муравьев, Орлов, самые любимые литераторы, как Рылеев, Бестужев, потомки самых славных родов, как Оболенский, Трубецкой, Огоевский, Волконский, Чернышев, — поспешили вступить в ряды этой первой фаланги русского освобождения — писал о декабристах А.И.Герцен.

Какой прекрасный и добрый старик...



F.N. Нарышкина, Париж, 1859 г.



M.M. Нарышкин, Париж, 1859 г.



Улица в квартале Сен-Жермен в Париже на ул.С.Давидов.

Буквара еще слышал, — писал впоследствии декабрист Н.И.Лорер, — что он очень дружен с М.М.Нарышкиным, в этого достаточно уже в моих глазах на полную мою симпатию, потому что недостойный человек не может быть другом Нарышкина. Члены тайного общества брали на себя обязательство поддерживать лучшее, углубить свое образование. Находясь в Петербурге в 1818 — 1819 гг., М.М.Нарышкин по вечерам посещал лекции лучших профессоров: политической экономии — Кунца, статистики — Германа, физики — Соловьева.

и сылкой здоровье, Нарышкин принял это условие вместе с несколькими другими своими товарищами. Н.И.Лорер, часто навещавший Нарышкиных в Пренном Оупе на Кавказе, писал: "Елизавета Петровна грустит иногда о том, что часто должна разлучаться с мужем, который не прокушает ни одной экзидики и был на восточном берегу и с генералом Засосом в горах. В одной из последних на чуте не утонув в Кубани, переправляясь верхом. Лошадь его, сбита быстрыми волнами, едва-едва успела его вынести на берег. В деле Засс был ранен пулею в несколько шагах от Нарышкина... Но бывали и в лагере наши случаи неожиданной, быстрой смерти, и названные ядра мешали солдатам заниматься своими делами в палатках. Раз я шел к Нарышкину, как вдруг встретил его повара, бледного, растрепанного, потерянного... "Что с тобой?", — спросил его. "Помилуйте: ядро попало в суп к барину", — отвечал он мне. "Ставь новую кастрюлю, любезнейший", — сказал я ему, смеючись, вводя другое по подает". Само собой разумеется, что по-

Франция, сделал по моей просьбе фотографичею дома, в котором жили Нарышкины. Оказалось, что в том же самом доме некогда останавливался и знаменитый немецкий композитор Рихард Вагнер. Неподалеку, на Итальянском бульваре, находилась студия "Диздери и Ко", в которой супруги Нарышкины сфотографировались. И теперь, спустя почти полтора века, мы можем вечно увидеть на этих фотографиях старого декабриста и его жену. А благодаря сохранившимся письмам можем услышать сквозь толщу времени и голос Михаила Михайловича.

Магия искусства Ильи Шадчнева

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ



Философские руки
На амальгамной стене
Полусонно чертит звуки
В звонко-звучной тишине.

Созвучие этих бросовых строчек образному строю работ Ильи Шадчнева поразило меня, едва я переступила порог его мастерской. Звуки сонат Бетховена из старой коллекции грампластинок — здесь же, в мастерской — только усилили это впечатление. Казалось, я попала в сказку для детей и взрослых.

Действительно, его картины, написанные в технике прозрачных фактур, могут выглядеть и как ультрасовременные образцы сюрреалистической живописи, и как классические произведения в духе малых голландцев или представителей эпохи Возрождения... Положенная на пластик, картон или холст тонким слоем масляная краска прозрачна, словно акварель. Метод монотипии — единственного и неповторимого «отлипа» (оттиска) красочного пятна на поверхности картины — несет в себе момент непредсказуемости. Эти приемы в сочетании с авторским построением пространства делают живописный язык художника уникальным, позволяющим сообщить зрителю не только гармонию линий, цветов и форм, но и передать конкретную мысль — будь то притча, пословица или расшифровка какого-либо понятия.



Человеку нужно помочь преодолеть комплекс неталантливости. Раньше считалось, что грамота доступна только тем, в ком есть божья искра мудрости. Сейчас говорят, что способность творить дана не каждому, а тому, в ком есть искра таланта. Первое утверждение уже опровергнуто — грамота не является столь недоступной областью применения человеческих способностей. Так и творчество человека вполне по силам. Музыка, поэзия, живопись, театр, кино... В каждой из этих сфер искусства существует набор закономерностей и правил, соблюдение которых дает возможность создать шедевр, а несоблюдение — калтуру. Я говорю о так называемой формуле совершенства, формуле абсолютной гармонии, используя которую каждый сможет достичь буквально невозможного. Но здесь эта область человеческих проявлений тесно граничит с готовностью личности к творчеству. Во-первых, человек должен обладать возможностью свободно мыслить, во-вторых, — должен иметь верную исходную точку зрения на происходящие события. Эта точка зрения может быть найдена только в том случае, если человек облада-

Палитра



ВОСТОК — ЗАПАД

Евграф КОНЧИН

В Центральном доме художника открылась выставка работ живописцев Южной Кореи, организованная журналом «Арт Уорлд Мэгэзин».

Экспозиция небольшая, камерная, но блистающая высокими профессиональными достоинствами, но весьма любопытная и даже поучительная. Она не претендует на широкий охват современной художественной жизни страны, показывает лишь некоторые течения современного изобразительного искусства, некоторые процессы, которые в нем происходят. Но суть их состоит прежде всего в том, как от тысячелетних национальных традиций перейти к общемировым современным стандартам. Более того — от многовекового нравственно-философского мышления, на чем основаны жизнь и искусство Кореи, к европейской творческой свободе. Происходит ли такая метаморфоза? Однозначно не ответить.

Если не читать афиши, названия картин,



Yu An Park, "Innam"

Как стать европейцем



Имена их авторов, то с большим трудом можно определить национальную их принадлежность. Лишь по характерным меришкам на двух-трех холстах, да, быть может, еще по некоторой утонченности цветовых решений, многократности тонов и по графичности живописного языка можно догадаться о представленной нам стране. Ровно, немело, даже болезненно художники отрываются от исконно национальных традиций в искусстве и «входят» в Европу. С одной стороны, им надо сохранить самобытное лицо, а, с другой, почувствовать себя совсем европейцами, приспособиться к европейскому художественному рынку. Но у меня складывается впечатление, что у большей части авторов не получается ни то, ни другое. Творчество некоторых из них вполне оторвалось от живительных народных корней, но и в европейском искусстве они попали далеко не в первые его ряды, овладев лишь модернистскими «измами», давно прошедшими, устаревшими.

СОФЬЯ ВИТУХНОВСКАЯ:

Почему бы тебе не заговорить со мною...

В выставочном зале «Тушино» прошла экспозиция замечательного человека и талантливого художника Софьи Семеновны Витухновской. О своей жизни, искусстве и любви к человеку рассказывает Софья Семеновна. Это интервью из мастерской. Здесь все интересно: картины, холсты, подрамники, старые книги. Но отличительная особенность этой мастерской состоит в том, что в ней, как в морских глубинах, «живут» ракушки, коралловые кусты причудливых форм и оттенков, морские ежи. Они тихо шептаются, что их хозяйка большой романтик.

МАСТЕРСКАЯ

— Софья Семеновна, во всякой истории искусства не так уж много примеров, когда женщина — художник. Почему вы выбрали для себя этот нелегкий путь?
— От меня это не зависело. По-моему, не каждый человек способен выбрать свою профессию. Есть старое слово, которое мы часто произносим, не выника в его подлинный смысл, — призвание. С тех пор, как себя помню, я всегда говорила, что буду художником. Хотя и родилась в маленьком городишке под Нижним Новгородом и никаких картин не видела, только книжки с иллюстрациями.
— Как в дальнейшем сложилась ваша судьба художника?
— Сначала я была только живописцем. Писала пейзажи и портреты, но совершенно не рисовала. Жизнь так сложилась, что к 48 годам нужно было заново что-то начинать, и я взяла в руки карандаш. Позднее, в Доме творчества, освоила различные техники эстампа.
— Я знаю, вы были в числе первых энтузиастов-поселенцев в Комсомольске-на-Амуре...
— Для меня это небольшой отрезок времени — я там прожила всего три года. Я никогда не была ни пионеркой, ни комсомолкой, ни коммунисткой. И поехала в Комсомольск потому, что так сложились жизненные обстоятельства: туда поехал муж, потом я.
Конечно, там было очень интересно. На моих глазах на пустом месте создавался город. Но главное — красота этого края. Природа резко отличается от обычной природы средней полосы России. Изумительная тайга, Амур. Я знала Волгу, Оку, но сравнить их с Амуром нельзя. Он намного красивее.
Стоит сказать, что жизнь в Комсомольске была очень трудная. Чтобы как-то заработать, мы с мужем (он тоже был художник) организовали детскую студию. Работала в городском театре — оформляла спектакли. И очень много писала пейзажей и портретов.
— Вы прожили большую жизнь, много видели, много испытали. Какой в творческом плане самый насыщенный и интересный период вашей жизни?
— Мне кажется, самые последние годы. Для меня, как и для моих коллег, работа и заработок не всегда совместимые понятия. Вся жизнь мне очень трудно давался кусок хлеба. Даже ма-



стерскую я получила в 62 года. А до этого жила и работала в десятиэтажной комнате, где озорный станок стоял по соседству с кроватью. Уже 27 лет я на пенсии. Минимальный прожиточный уровень, обеспеченный пенсией, дал возможность спокойно работать. Если все говорят: «Ах, пенсия — жизнь кончилась!», то один мудрый искусствовед Осип Бескин как-то назвал это время для художника — «пенсионный ренессанс». И действительно сейчас я могу в большей степени творчески работать.
— У Зинаиды Серебряковой состоялась первая персональная выставка в Москве в 1965 году. Серебряковой было за 80, она жила во Франции, и в судьбе художницы это уже ничего не могло изменить. У вас только что прошла выставка работ, и, судя по многочисленным каталогам, она не первая.
— В этом смысле мне везет. Трудно сказать, почему. Впервые мои работы были выставлены в 1937 году. В 1938 году состоялась выставка в Комсомольске. Это была большая выставка наших работ с мужем. Потом были еще выставки в Ленинграде, Хабаровске, Харькове, Мурманске, других городах России, а также за границей: в Болгарии, Мозамбике, Зимбабве, Ботсване, ГДР, Испании, Новой Зеландии. Обычно я показывала новые работы. На недавней выставке я представила живопись и графику из разных периодов, и поэтому она называется «Путь от сороковых к девяностым годам».
— Ваши работы находятся более чем в 30 музеях, а также в частных коллекциях, как в России, так и за рубежом. Софья Семеновна, в чем для вас радость, в чем гордость, в чем ваша работа в Третьяковской галерее?
— Да. Первую работу Третьяковка приобрела у меня в 1984 году на Всесоюзной выставке рисунка. Она называется «Художник Елена Лесничая», еще две — в 1993 году.
— Тяжело расставаться с работами?
— Нет. У меня такое внутреннее чувство, что работа художника живет тогда, когда ее видит зритель. Поэтому я с удовольствием показываю свои произведения. И, кроме того, мою графику часто покупали музеи. Но сейчас у них нет денег, и я дарю им свои работы — самое красивое время человеческой жизни. Это — время становления, созревания, время надежд.
— Как вы относитесь к творчеству современных художников?
— Очень трудно в современном искусстве определить точно, кто заслуживает внимания. Мы слишком все различны. У каждого свои вкусы и взгляды. Кроме того, во всей истории искусства есть примеры, когда трехстепенное оказывалось первым, и только время все расставляет на свои места. Так Сезанна всего один раз приняли на выставку. А ведь его творчество сильно повлияло на все мировое искусство.
Сейчас очень много авангарда, в нем есть прогрессивное начало. Но, к сожалению, талантливых авангардистов не так уж много. И авангард засорен подражателями, которые заимствуют художественные приемы от авангардистов 20-х — 30-х годов. Я считаю, что основа искусства — все-таки реализм, но реализм многогранный, а не такой, какой у нас культивировался в недалеком прошлом. Социалистический реализм — это политическая программа, желание всех сделать одинаковыми, убит и растворить индивидуальность.
— Однако в эпоху социализма тоже были талантливые художники.
— Конечно. Талантливые люди есть всегда. Например, Павел Кузнецов — замечательный художник. Но социализм наложили на его творчество определенное отпечаток. Великолепные ранние работы у Самохвалова. Но когда он писал Кирова с пионерами — это были фальшивые, плохие вещи. Удержались немногие, например, Фалк, Дейнека — хотя они тоже пострадали от системы.
— Кого из старых мастеров вы можете назвать своими учителями?
— Никого. Я всегда умела учить себя и никогда не умела воспринимать советы учителей. Люблю Рембрандта, Модильяни, Врубеля. Очень ценю наших портретистов: Боровиковского, Левичко.
— В последние годы многое изменилось в стране. Как вы относитесь к переменам в обществе?
— Сейчас тяжелое время. Прошлое оставило очень много сломанного, раздавленного, уничтоженного. Для того чтобы родилось будущее, надо залечивать раны, нанесенные прошлым, и приучать людей хотеть этого будущего. Самое страшное, что многие современные люди разного возраста забыли о том, что в сталинские времена были лагеря, гибли самые энергичные, самые талантливые, и помнят только дешевую колбасу. И я считаю, что коммунистическое общество — это не та форма общественной жизни, которая кому-либо нужна. Надеюсь, наши дети и внуки смогут построить общество, достойное нашей Родины, ее многовековой истории и богатой культуры.

Беседу вела Елена РЖЕВСКАЯ

Розы из чугуна

МАСТЕРА

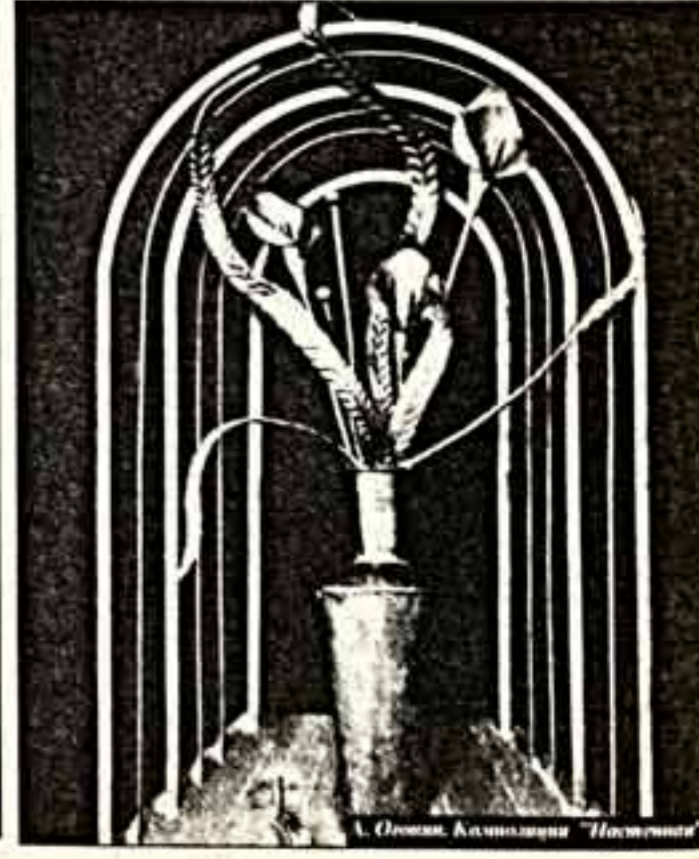
Евг. ВАСИЛЬЕВ

Уверен, что художники из Московского творческого союза кузнецов, представившие свои работы в выставочном зале «Тушино», подобно легендарному Лешю, вполне могли бы подковать и блоху, настолько виртуозно их искусство.

Казалось, совершенно несовместимые понятия — изящные, хрупкие, трепетные цветы и тяжелый, грубый чугун. Но именно из этого неестетического материала созданы прекрасные розы, от которых трудно оторвать глаза.
Невольно восхищаешься тем, как умелыми руками мастеров становится послушным и податливым, словно глина. И сотворяются вещи самого различного предназначения: и предметы повседневного обихода, претендующие на образное восприятие мира, и декоративные принадлежности самого изысканного интерьера, и даже женские украшения. А какая прекрасная коллекция подсвечников! Здесь фантазия художников помпезно неистощима. Каких различных размеров — от больших, напоющих до совсем миниатюрных, больше похожих на красивый символ



И. Гринберг, "Светильник с декоративной привлекательностью"



Олег Анисимов, "Посвящение"

